

ГОСТИ
С ТОГО СВЕТА

ГОСТИ С ТОГО СВЕТА

МОСКВА
2017

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)я43
Г72

Оформление серии *О. Горбовской*

В оформлении обложки использована иллюстрация:
DVARG / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Гости с того света : [перевод с английского-
Г72 го]. — Москва : Издательство «Э», 2017. —
352 с. — (Комната страха).

ISBN 978-5-699-99453-3

Сборник мистических, таинственных и жутких историй о призраках, вампирах, ведьмах, оживающих мертвецах, губительных статуях и манекенах, о кошмарных сновидениях и потусторонних пророчествах, о сделках с дьяволом и любви, неподвластной смерти. Переключаясь друг с другом персонажами, ситуациями и смыслами, готические сюжеты книги открывают читателю за покровом обыденной реальности иррациональный и страшный мир, опрокидывающий самоуверенные претензии на всезнание, свойственные современному человеку.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)я43

- © Разумовская И.А., Самострелова-Смирницкая С.П., перевод на русский язык. Наследники, 2017
- © Антонов С.А., перевод на русский язык, 2017
- © Брилова Л.Ю., перевод на русский язык, 2017
- © Сухарев С., перевод на русский язык, 2017
- © Будагова Е.Н., перевод на русский язык, 2017
- © Роговская Н.Ф., перевод на русский язык, 2017
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-99453-3

НАТАНИЕЛЬ ГОТОРН

(1804—1864)

ПРОРОЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ¹

— Удивительный художник! — с воодушевлением воскликнул Уолтер Ладлоу. — Он достиг необычайных успехов не только в живописи, но обладает обширными познаниями и во всех других искусствах и науках. Он говорит древнееврейски с доктором Мэзером и дает уроки анатомии доктору Бойлстону. Словом, он чувствует себя на равной ноге даже с самыми образованными людьми нашего круга. Более того, это светский человек с изысканными манерами, гражданин мира — да-да, истинный космополит: о любой из стран, о любом уголке земного шара он способен рассказывать так, словно он там родился; это не относится, правда, к нашим лесам, но туда он как раз собирается. Однако и это еще не все, что восхищает меня в нем!

¹ Этот рассказ навеян анекдотом о Стюарте, поведенным в «Истории декоративных искусств» Данлопа — книге в высшей степени увлекательной для обычного читателя и, смеем думать, весьма интересной для художника.

— Да что вы! — отозвалась Элино́р, которая с чисто женским любопытством слушала рассказ о таком необыкновенном человеке. — Уж и этого, казалось бы, достаточно!

— Разумеется, — ответил ее возлюбленный, — но гораздо удивительнее его природный дар настраиваться на любой тип характера, так что мужчины, да и женщины, Элино́р, разговаривая с этим необыкновенным художником, видят себя в нем как в зеркале. Однако я все еще не сказал о самом главном!

— Ну, если он обладает другими такими же редкостными свойствами, — засмеялась Элино́р, — то, боюсь, Бостон для него опасен. Да послушайте, о ком вы мне рассказываете, о живописце или о волшебнике?

— По правде сказать, этот вопрос заслуживает более серьезного внимания, чем вам кажется, — ответил Уолтер. — Говорят, этот художник изображает не только черты лица, но и душу и сердце человека. Он подмечает затаенные страсти и чувства, и холсты его озаряются то солнечным сиянием, то отблесками адского пламени, если он рисует людей с запятнанной совестью. Это страшный дар, — добавил Уолтер, и в его голосе уже не слышалось прежнего восхищения, — я даже побаиваюсь заказывать ему портрет.

— Неужели вы говорите серьезно, Уолтер? — воскликнула Элино́р.

— Ради всего святого, дорогая, когда будете позировать ему, не смотрите так, как вы смотрите сейчас на меня, — с улыбкой, но несколько озабоченно заметил ее возлюбленный. — Ну вот, ваш взгляд изменился, а минуту назад вы показались мне смертельно испуганной и в то же время опечаленной. О чем вы подумали?

— Да ни о чем! — поспешила заверить его Элинора. — У вас просто разыгралось воображение. Ну что ж, приезжайте завтра ко мне, и мы поедем к этому удивительному художнику.

Следует, однако, заметить, что, когда молодой человек удалился, на прелестном лице его юной возлюбленной снова возникло то же загадочное выражение. Она казалась встревоженной и грустной, что явно не подобало девушке накануне свадьбы, а ведь Уолтер Ладлоу был избранником ее сердца!

— Взгляд! — прошептала она. — Стоит ли удивляться, что он поразился моему взгляду, если в нем выразились предчувствия, которые временами одолевают меня. Я по собственному опыту знаю, каким страшным может быть взгляд. Однако все это плод воображения. В ту минуту я ни о чем таком не думала и вообще давно не вспоминала об этом. Просто мне все это приснилось.

И она принялась вышивать воротник, в котором собиралась позировать для своего портрета.

Художник, о котором они говорили, не принадлежал к числу американских живописцев, тех, что в более поздние времена обратились к краскам, заимствованным у индейцев, и стали изготавливать кисти из меха диких зверей. Возможно, если бы он был властен начать жизнь сызнова и распоряжаться своей судьбой, то решил бы примкнуть к этой школе, не имеющей главы, в надежде стать хотя бы оригинальным, ибо тут не требовалось ни копировать старые образцы, ни подчиняться каким-либо правилам. Но он родился и получил образование в Европе. Про него рассказывали, что, постигая красоту и величие замыслов, изучая совершенство мазка знаменитых художников, он осмотрел все музеи, все картинные галереи, стенную роспись всех церквей, и в конце концов ничто уже не могло дать пищу его пылливому уму. Искусству нечего было добавить к его познаниям, и он обратился к Природе. Поэтому он отправился в край, где до него еще не ступала нога его собратьев по профессии, и наслаждался созерцанием зрелищ, возвышенных и живописных, но ни разу не запечатленных на полотне. Америка была слишком бедна, чтобы соблазнить чем-либо иным этого видного художника, хотя многие представители местной знати, заслышав о его приезде, выражали желание с помощью его искусства увековечить свои черты для потомства. Когда к нему обращались с подобной просьбой, он устремлял на посети-

теля пристальный взгляд, который, казалось, пронизывал человека насквозь. Если он видел перед собой приятное, но ничем не примечательное лицо, то пусть даже клиент этот был одет в расшитый золотом кафтан, который украсил бы картину, и располагал золотыми гинеями, чтобы заплатить за портрет, — художник вежливо отклонял заказ и связанное с ним вознаграждение; но если ему попадалось лицо, говорящее о своеобразии душевного склада, о смелости ума или о богатстве жизненного опыта, если на улице он видел нищего с седой бородой и со лбом, изборозженным морщинами, или если ему удавалось поймать взгляд и улыбку ребенка, он вкладывал в их портреты все мастерство, в котором отказывал богачам.

Искусство живописи было редкостью в колониях, и потому художник возбуждал всеобщее любопытство. Хотя лишь немногие могли — или, скорее даже, никто не мог — оценить техническое совершенство его работ, все же в некоторых отношениях мнение толпы интересовало его не меньше, чем указания тонких знатоков. Он следил за впечатлением, которое его картины производили на неискушенных зрителей, и старался извлечь пользу из их замечаний, между тем как говорившим, пожалуй, скорее пришло бы в голову поучать саму Природу, чем художника, который, казалось, с ней соперничал. Следует, однако, признать, что их восхищение несколько умеря-

лось предрассудками, свойственными этой стране и эпохе. Одни считали, что столь правдивое изображение созданий Божьих нарушает заповеди Моисея и является самонадеянным подражанием Творцу. Другие, испытывая трепет перед искусством, способным вызывать к жизни призраки и запечатлевать для живых черты умерших, были склонны принимать художника за колдуна, а быть может, и за Черного человека, известного со времен охоты за ведьмами, творящего свои чары в новом обличе. Толпа почти всерьез принимала эти нелепые слухи. Даже в светских кругах к художнику относились с некоторым страхом, что было отчасти отзвуком суеверных подозрений черни, но в основном вызывалось его обширными познаниями и многообразными талантами, помогавшими ему в его искусстве.

Собираясь соединиться узами брака, Уолтер Ладлоу и Элинор хотели поскорее обзавестись своими портретами, которым, как они, без сомнения, надеялись, предстояло положить начало целой фамильной галерее. Поэтому на другой день после описанного выше разговора они отправились к художнику. Слуга провел их в комнату, в которой хозяина не оказалось, но зато они увидели целое скопление лиц и с трудом удержались, чтобы почтительно не раскланяться с ними. Они понимали, что это картины, но не могли поверить, что при таком разительном сходстве с оригиналами портреты совсем лишены жизни и

разума. Кое-кто из людей, изображенных на картинах, принадлежал к числу их знакомых, друзья были известны им как выдающиеся деятели того времени. Среди них находился губернатор Бернет, и казалось, будто он только что усмотрел крамолу в действиях палаты представителей и обдумывает, как бы резче ее осудить. Рядом с правителем висел портрет мистера Кука, человека, возглавлявшего оппозицию. В нем чувствовались воля и несколько пуританский склад, как и подобает народному вождю. Пожилая супруга сэра Уильяма Фиппса, в воротнике с рюшем и фижмах, взирала на них со стены — высокомерная старуха, вид которой наводил на мысль, что она не чужда колдовству. Джон Уинслоу, тогда еще очень молодой человек, выглядел на портрете исполненным той боевой решимости, которая много лет спустя помогла ему стать выдающимся полководцем. Своих друзей Уолтер и Элинор узнавали с первого взгляда. На большинстве портретов все свойства ума и сердца их оригиналов были выражены в лицах и сконцентрированы во взглядах с такой силой, что, если говорить парадоксами, живые люди меньше походили на самих себя, чем написанные с них портреты.

Среди этих современных знаменитостей висели изображения двух бородатых святых, едва различимых на потемневших холстах. Была тут и бледная, но не поблекшая Мадонна, верно, некогда почитавшаяся в Риме, которая теперь

с такой добротой и святостью смотрела на влюбленных, что им, словно католикам, захотелось помолиться.

— Как странно подумать, — заметил Уолтер Ладлоу, — что это прекрасное лицо остается прекрасным более двухсот лет. Вот если бы земная красота могла сохраняться так же долго! Вы не завидуете ей, Элинор?

— Будь на земле рай, может, и позавидовала бы, — ответила она, — но там, где все обречено на увядание, как мучительно было бы сознавать, что ты одна не можешь постареть.

— Этот потемневший святой Петр хмурится свирепо и грозно, хоть он и святой, — продолжал Уолтер, — мне не по себе от его взгляда, а вот Мадонна смотрит на нас ласково.

— Да, но, по-моему, очень печально, — отозвалась Элинор.

Под этими тремя старинными картинами стоял мольберт с только что начатым холстом. И, по мере того как они всматривались в едва намеченные черты, изображение, проступая как бы сквозь дымку, приобретало живость и ясность, и они узнали своего священника, преподобного доктора Колмана.

— Добрый старик! — воскликнула Элинор. — Он смотрит на меня так, будто собирается дать отеческое напутствие.

— А мне представляется, — подхватил Уолтер, — будто он вот-вот укоризненно покачает

головой, словно подозревает меня в каком-то проступке. Впрочем, так же смотрит и оригинал. Знаете, пока он нас не поженит, я не смогу спокойно выдерживать его взгляд.

В этот момент они услышали чьи-то шаги и, оглянувшись, увидели художника, который вошел несколько минут назад и прислушивался к их разговору. Это был человек средних лет, с лицом, достойным его собственной кисти. Потому ли, что душой он всегда жил среди картин, или благодаря живописной небрежности своего яркого костюма, художник и сам походил на портрет. Это родство между ним и его работами бросилось в глаза посетителям, и им почудилось, будто одна из картин сошла с полотна, чтобы их приветствовать.

Уолтер Ладлоу, уже немного знакомый с художником, изложил ему цель их визита. Пока он говорил, косой луч солнца так удачно осветил влюбленных, что они казались живыми символами юности и красоты, обласканными счастливой судьбой. Было очевидно, что они произвели впечатление на художника.

— Мой мольберт будет занят еще несколько дней, к тому же я не могу задерживаться в Бостоне, — произнес задумчиво художник, затем, внимательно поглядев на них, добавил: — Но вашу просьбу я все же удовлетворю, хотя для этого мне придется отказать верховному судье и мадам Оливер. Я не имею права терять такую возмож-

ность ради того, чтобы запечатлеть несколько метров черного сукна и парчи.

Он выразил желание написать одну большую картину, изобразив их вместе за каким-нибудь подходящим занятием. Влюбленные рады были бы принять это предложение, но им пришлось отклонить его, потому что комната, которую они собирались украсить своими портретами, не могла вместить полотно таких размеров. Наконец договорились о двух поясных портретах. Возвращаясь домой, Уолтер с улыбкой спросил Элинор, знает ли она, какое влияние на их судьбу может отныне приобрести художник.

— Старухи в Бостоне уверяют, — заметил он, — что, взявшись рисовать чье-нибудь лицо или фигуру, он может изобразить этого человека в любой ситуации, и картина окажется пророческой. Вы верите в это?

— Не совсем, — улыбнулась Элинор. — В нем чувствуется какая-то доброта, так что, если даже он и обладает этим чудесным даром, я уверена, он не употребит его во зло.

Художник решил писать оба портрета одновременно и, с характерной для него манерой загадочно выражаться, объяснил, что их лица освещают друг друга. Поэтому он накладывал мазки то на портрет Уолтера, то на портрет Элинор, и черты их стали вырисовываться так живо, словно сила искусства могла заставить их отделиться от холста. Взорам влюбленных открывались их соб-

ственные двойники, сотворенные из цветных пятен и глубоких теней. Но хотя сходство и обещало быть безупречным, молодых людей не совсем удовлетворяло выражение лиц, ибо оно казалось менее определенным, чем на других картинах художника. Однако сам художник не сомневался в успехе и, глубоко заинтересовавшись влюбленными, в свободное время делал с них карандашные наброски, хотя они и не подозревали об этом. Пока они позировали ему, он старался вовлечь их в разговор и вызвать на их лица то характерное, хотя и постоянно меняющееся выражение, которое он ставил себе целью уловить и запечатлеть. Наконец он объявил, что к следующему разу портреты будут готовы и он сможет их отдать.

— Только бы моя кисть осталась послушной моему замыслу, когда я буду наносить последние мазки, — сказал он, — тогда эти портреты окажутся лучшими из того, что я создал. Надо признать, художнику нечасто выпадает счастье иметь такую натуру.

При этих словах он обратил на них пристальный взгляд и не сводил его до тех пор, пока они не спустились с лестницы.

Ничто не затрагивает так человеческое тщеславие, как возможность запечатлеть себя на портрете. Чем это объяснить? В зеркале, в блестящих металлических украшениях камина, в недвижной глади воды, в любых отражающих поверхностях мы постоянно видим собственные